

ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА МИРОНОВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики с фонограммаришивом Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

tutkija@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФИННОЯЗЫЧНОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ КАРЕЛИИ (на примере песни о «Титанике»)*

Проблемы заимствования и адаптации иноязычного фольклора на протяжении многих десятилетий находятся в центре внимания российских исследователей традиционной культуры. Объектом изучения настоящей статьи является финноязычная лирическая песня, получившая бытование в Северной Карелии. Предмет исследования – поэтика произведений указанного жанра на примере песни о «Титанике». Цель работы – проследить, каким образом происходило усвоение финской лирической песни в Карелии в целом, а также рассмотреть процесс взаимовлияния двух песенных традиций: финской и карельской. Полученные в ходе исследования выводы могут быть использованы при подготовке курса по музыкальному фольклору карелов. Материалом исследования послужили опубликованные и архивные источники финских лирических песен, имевших распространение в Северной Карелии. Использование сравнительно-исторического метода дает возможность рассмотреть истоки и развитие финноязычной песенной традиции в Карелии. При помощи текстологического анализа осуществляется изучение совокупности вариантов песни о «Титанике», выявляются и рассматриваются ключевые мотивы и образы, художественно-изобразительные средства языка указанного произведения. На территории Северной Карелии долгое время широкое бытование имели традиционные эпические песни, повествующие о сотворении мироздания и первопредметов, о героических деяниях мифических героях и т. д. В этой связи лирическая традиция развивалась сравнительно медленнее, а зачастую была заимствована от соседствующего финского населения. В результате усвоения иноязычной песенной традиции в некоторой степени происходила адаптация текста. Причем следует говорить не о языковом, а, скорее, художественно-стилистическом «приспособлении».

Ключевые слова: музыкальный фольклор карелов, финноязычная лирическая песня, песенная традиция Северной Карелии, песня о «Титанике»

Для цитирования: Миронова В. П. Художественно-стилистическое своеобразие финноязычной лирической песни Карелии (на примере песни о «Титанике») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 18–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.346

ВВЕДЕНИЕ

Песенный репертуар беломорских карелов, проживающих на территории Северной Карелии, в Калевальском, Лоухском и Беломорском районах, довольно разнообразен по своему жанровому составу. Долгое время значительное место в музыкальной традиции карелов занимали руны, или эпические песни, повествующие о сотворении мироздания и первопредметов, о мифических героях и их деяниях. Лирическая традиция развивалась слабее [1: 144–166], [2], во многом процесс формирования происходил за счет заимствования финских лирических песен. Длительные контакты, основанные по преимуществу на торговых и родственных отношениях, близость финского языка и севернокарельского наречия карельского языка способствовали усвоению и постепенному распространению иноязычной новой песни среди северных карелов.

Объектом изучения является финноязычная лирическая песня, получившая бытование в Северной Карелии. Предмет исследования – поэтика произведений указанного жанра на примере песни о «Титанике». Указанный сюжет, на наш взгляд, представляет особый интерес, поскольку, с одной стороны, выходят за рамки собственно лирической тематики, основанной на отражении семейно-бытовых отношений. С другой стороны, анализ данного произведения демонстрирует, как абсолютно новая тема «приспосабливается» к местной культурной традиции. Цель работы – проследить, каким образом происходило усвоение финской лирической песни в Карелии в целом, а также рассмотреть процесс взаимовлияния на уровне поэтики двух песенных традиций: финской и карельской. Актуальность настоящего исследования обусловлена существующим интересом к проблеме взаимодействия этнических культур. Недостаточной изученностью вопросов,

касающихся заимствования финноязычного репертуара и адаптации его в северокарельской традиции, определяется научная новизна данной работы.

Проблемами возникновения и функционирования финской лирической песни на территории Финляндии занимались по преимуществу финляндские фольклористы и музыковеды, в числе которых А. Асплунд [6], Х. Лайттинен [7]. Кроме того, о бытовании финноязычной лирической песни среди носителей фольклорной традиции Северной Карелии второй половины XX века писали в своих монографиях финляндские этнозыковеды П. Хутту-Хилтунен [9] и Э. Нииранен [10]. Карельские этнозыковеды Л. Н. Кершнер¹, С. Н. Кондратьева², Т. В. Краснопольская³ в предисловиях к сборникам текстов выделяли этот жанр как самостоятельный, но давали характеристику ему лишь попутно, не углубляясь в историю возникновения произведений данного рода, не останавливаясь на анализе их поэтических особенностей. Позже проблемой межэтнических взаимосвязей заинтересовалась Т. В. Краснопольская, неоднократно отмечавшая в своих статьях значимость и актуальность изучения данного вопроса [3], [4]. В фольклористических трудах практически не уделялось внимание появлению и функционированию финских лирических песен. Исключением являются лишь две статьи на данную тематику. Одна из них посвящена сюжетно-тематическому составу бытовавших в XX веке в Северной Карелии финских лирических песен [8], во второй рассматривается время возникновения произведений подобного рода собственно в Финляндии, основные этапы и факторы, способствующие ее проникновению и бытованию на территории Беломорской Карелии [5].

Материалами для исследования послужили опубликованные источники, в частности сборник текстов, подготовленный А. Асплунд⁴, песенные сборники карельских музыковедов, а также архивные записи, хранящиеся в фондах Научного архива КарНЦ РАН и Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН. Всего в нашем распоряжении на данный момент имеется тридцать вариантов песен о «Титанике».

В качестве одного из методов исследования в работе используется сравнительно-исторический подход, позволяющий выявить истоки происхождения финноязычной песенной традиции в целом и проследить возможные пути ее проникновения на территорию Северной Карелии. Текстологический анализ дает возможность раскрыть и проанализировать основные мотивы и образы, художественно-изобразительные средства языка рассматриваемой песни о «Титанике».

ЗАРОЖДЕНИЕ ФИНСКИХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН ИХ ПРОНИКНОВЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИЮ КАРЕЛИИ

С начала XVII века в Финляндии стали появляться новые песенные формы, усвоение которых проходило через шведское население. Причем заимствовался как текст, так и напев.

Однако именно напевы были тем звеном, который способствовал наиболее широкому распространению новой песенной традиции, учитывая довольно сильное различие языков (шведского и финского). Со временем песни переводились, публиковались в газетах, усваивались народом, становясь фольклорными произведениями. Таким образом зарождалась и развивалась лирическая песня как самостоятельный жанр в Финляндии.

По мнению исследователей, финские лирические песни проникли на территорию Северной Карелии из Восточной Финляндии в конце XIX – начале XX века. Следует отметить, что вплоть до 1920 года, до времени подписания Тартуского мирного договора, по которому была установлена государственная граница между Россией и Финлядией, молодежь из приграничных деревень могла беспрепятственно посещать соседнюю страну. Именно там во время молодежных гуляний, совместных игрищ и танцев шло естественное усвоение песенной традиции. Нередким явлением было заключение межнациональных браков между карелами и финнами, что также способствовало перемещению финской песни в Беломорскую Карелию. Кроме того, получившая свое развитие на приграничной территории торговля в разнос, несомненно, была еще одним фактором взаимовлияния культур. Обычные северокарельские коробейники, число которых в некоторых случаях могло достигать 400 человек, исполняли роль неких трансляторов иноязычной традиции, в том числе песенной.

Первоначально финские лирические песни были усвоены жителями только приграничных карельских деревень, а затем они уже проникли и вглубь региона, в другие отдаленные поселения [8: 41]. Настоящие выводы подтверждаются данными экспедиционных исследований, проходивших на данной территории. В частности, карелы-информанты неоднократно отмечали, что финноязычные рифмованные песни активно исполнялись в приграничных деревнях Северной Карелии с начала XX века и вплоть до начала Великой Отечественной войны [9: 107]. Позже собиратели фиксировали лишь единичные варианты подобных произведений, однако в репертуаре карельских исполнителей они сохранились практически до конца XX века.

Рассматривая финские лирические песни с точки зрения поэтики, следует отметить, что в самом начале зарождения нового песенного жанра они могли содержать в себе признаки рунического произведения: аллитерацию и параллелизм, а также специфические черты лирики – конечную рифму. Однако размер стиха становился более свободным, постепенно исполнители уходили от четырехстопного хорея (или от калевальской метрики, основного признака рунических текстов) и использовали дактиль, пеон и спондей. Конечная рифма связывала строфы в куплеты, которые и создавали единое

целое. По мнению финляндского музыковеда Х. Лайттинена, именно образование куплетов отличало эпическую песню от лирической, в некоторых случаях произведения подобного типа стали именоваться куплетными песнями. Причем формирование организованной куплетной формы лирического произведения проходило в течение нескольких столетий [7: 214]. В равной степени эти наблюдения отражают поэтические особенности рассматриваемых произведений, бытовавших как на территории самой Финляндии, так и в деревнях Северной Карелии.

Иная ситуация просматривается в поздних лирических песнях, в которых калевальская метрика полностью уступает свои позиции, равно как стилистические приемы рунического текста, параллелизм и аллитерация. В качестве примера рассмотрим песню о «Титанике», получившую широкое распространение как у финляндского, так и у карельского населения. В частности, карельским собирателям, совершившим планомерные обследования музыкальной традиции беломорских карелов, удалось зафиксировать пять вариантов данного произведения, а также около десяти сообщений о том, что информанты знают эту песню⁵.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И БЫТОВАНИЯ ПЕСНИ О «ТИТАНИКЕ»

Интерес, несомненно, вызывает история появления данного произведения. Как известно, крушение «Титаника», произошедшее в ночь с 14 на 15 апреля 1912 года, является самой крупной морской катастрофой в мирное время, унесшей жизни более полутора тысяч человек. В Финляндии, как, впрочем, и по всему миру, эта новость довольно быстро разлетелась по стране благодаря многочисленным газетным публикациям. Масштаб трагического события способствовал тому, что среди финского населения стали появляться разнообразные песни на тему «Титаника».

Основное повествование подобных произведений сводилось к описанию драматического столкновения лайнера с айсбергом, при котором у пассажиров не было ни малейших шансов на спасение. Капитан обычно вырисовывался как некий негативный персонаж, поскольку, по мнению обывателей, именно по его приказу «Титаник» шел с огромной скоростью, что и не дало возможности избежать столкновения. Кроме того, в зафиксированных в Финляндии песнях зачастую изображаются и некие частные моменты: ярко описываются роскошные танцевальные залы, бассейны, турецкие бани, алмазные, кофейные и чайные грузы, находящиеся на борту. Несомненно, все эти факты не были выдуманы исполнителями, а являлись отражением той многочисленной информации, которая появлялась в местной прессе.

По мнению финляндской исследовательницы А. Асплунд, песни о «Титанике» появились в Финляндии сразу же после кораблекрушения, то есть в 1912 году. Документальными свидетельствами этому стали многочисленные публикации: в течение 1912–1913 годов на страницах различных песенников появилось более 20 вариантов данного произведения. Названия этих песен были абсолютно разными: «Гимн “Титанику”», «Песня о крушении “Титаника”», «Печальная песня о гибели “Титаника”», «Песня об этом большом крушении», «Самое большое кораблекрушение в мире» и т. д.

Интерес финнов и Финляндии в целом к гибели «Титаника», возможно, связан еще и с тем, что на корабле находились их соотечественники. Народ посредством песен соболезновал семьям погибших. В опубликованных в Финляндии вариантах зачастую именно мотив всеобщего сострадания заканчивал общее повествование:

Matkustavia sielä oli myös
Lapsia Suomen maan,
Kun täällä tavoin surman sai
Ja joutui Tuonelaan.
Heitä äitit, isät itkevät,
Ehkä sulhot, morsiamet.
Ja suru, syvä kakerus
Tukehuttaa sylämmet.
Sen tuntee moni kaipaava,
Omaiset rakkahat,
Kun muistuu yhteiset entiset
Armahaiset eletyt ajat.
Asplund, s. 769.

Среди пассажиров там
Были и дети Финской земли,
Они так смерть получили
И оказались в Туонеле.
О них матери, отцы плачут,
Женихи и невесты.
И горе, глубокая печаль
Душит нуро.
Это чувствуют многие из страдающих,
Любимые родные,
Когда вспоминают прежние дни,
Любимые прожитые годы
(Здесь и далее перевод мой. – В. М.).

В Карелии песня о «Титанике» получила распространение, вероятно, несколько позже. К примеру, известная северокарельская исполнительница Сандра Ремшуева (1914–2010) на вопрос, откуда она знает песню о «Титанике», сообщила собирателям, что впервые услышала ее еще девочкой, будучи беженкой в Финляндии, то есть в начале 1920-х годов. Сан德拉 также же смогла назвать и возможные годы появления этой песни:

«Onko še Titanikin laulu vanha?» – «Ka totta še on
šilloin kekšitty, konša še ollun še tapahuš. Šilloin 1912 vuotena,
vain 14-ko še oli?» – «Стара ли эта песня о “Титанике”?» – «Ее тогда сочинили, когда это событие произошло. Тогда, в 1912 году, или в 14 это было?»

Вероятно, она могла услышать эту информацию со слов собирателей, неоднократно записывавших талантливую информантку.

Все остальные исполнители не сообщали никаких сведений о времени усвоения произведения, однако можем предположить, что данный процесс мог происходить именно в 1920-е годы, когда рассматриваемая песня активно бытовала в Финляндии, а карелы еще могли беспрепятственно посещать соседнюю страну.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕСНИ О «ТИТАНИКЕ»

Имеющиеся в нашем распоряжении расшифрованные карелоязычные варианты песни о «Титанике» (записи двух датируются 1963 годом, одной – 2000-м) схожи по своему композиционному построению как между собой, так и с финноязычными вариантами. Единственное существенное различие – это общий объем текста: карелоязычные варианты содержат меньшее количество строк за счет отсутствия диалоговых форм.

Завязка рассматриваемой песни в обеих традициях – это некое сентиментальное преддверие трагического повествования, в нем исполнители выражают свое личное отношение к произошедшему событию. К примеру, финноязычные варианты чаще всего начинались следующим куплетом:

Taas murhen viesti kertoo
Atlannin aalloitaan,
Että laiva siällä upposi,
Vei hengen moneltaan.
Asplund, s. 768

Снова печальная новость
С волн Атлантики:
Утонул там корабль,
Унес жизни многих.

В свою очередь повествование карелоязычных текстов имеет близкий по семантической нагрузке зачин:

Kuynälet silmissä aloitan tässä,
Kirjoitan surullisen tapahtuman.
HA 10/35⁶

Начинаю со слезами на глазах,
Пишу печальную историю.

или:

Voi kuinka murtuneeksi
On mielet muuttunut.
HA 10/180

Ой, какими печальными
Стали мои мысли.

Вариант завязки Сандры Ремшуевой отличается от других имеющихся карелоязычных текстов наибольшей развернутостью, в ней в двух первых строфах указывается год события и день, а затем поэтически описывается произошедшая катастрофа:

Kun Atlannin hätävalot loistaa,
Käy tapaus niin šynkkä onneton.
Šiellä tuhansien haudat kerral aukee,
Ja syvyksien kauhut hömöttää.
Sandra Remšujeva⁷

Пока огни бедствия Атлантики сверкали,
Событие это печальное произошло.
Там могилы тысяч разом раскрылись,
И показались ужасы глубины.

За завязкой следует мотив описания корабля, его всевозможных технических достоинств, красоты убранства, роскоши и т. д. С помощью оценочных эпитетов с положительной оценкой и сравнений карельские исполнители представляют «Титаник» как «mailman suurin» – самый большой в мире, «harva laatultaan» – «редкий по качеству», «še kaupunkiksi laitettu on niin» – «сделанный, как город». В финских вариантах, в свою очередь, «Титаник» «suurin tugen kyntäjistä, // kuningas on laivojen» – «самый большой из бороздящих море, // царь кораблей». На лайнере есть гостиницы, каюты, бассейны, бани, сады, театры. Свое место занимают салоны для танцев, сверкающие тысячами огней. Для любителей спорта тут найдутся велодорожки и залы для тренировок. Для описания всего убранства у исполнителей не хватает слов:

Sen kuvauski eivät sanat riitä,
Ja kustannukset kohoš miljoniin.
Sandra Remšujeva

Для описания не хватает слов,
Убранство стоило миллионов.

От такого роскошного корабля все ожидали только счастливого плавания, и эта мысль нашла свое отражение в текстах. Мотив благополучного путешествия представляет собой картину опускающегося на воду корабля под крики «Ура», вокруг слышится шум музыки и веселье богатой публики.

Ничто не предвещает беды, однако ночью идущий на огромный скорости «Титаник» столкнулся с айсбергом. В этом несчастном случае все обвиняют капитана корабля, который, несмотря на предостережения о ледяных глыбах, шел по Атлантике на огромной скорости:

Kapteeni Smidt on hurja huimapäinen,
Pyyši rekorttija uudella laivalla.
Sandra Remšujeva

Капитан Смидт был отчаянным,
Хотел показать рекорд на новом корабле.

Сильнейший удар, паника на корабле и спасение пассажиров являются основными мотивами всего повествования, описанию которых исполнители уделяют наибольшее внимание. В отличие от карельских текстов, в финских вариантах анализируемой песни встречаются диалоги между капитаном корабля и боцманом, представлены размышления капитана и т. д. Кроме того, в финноязычных текстах получил развитие

мотив смерти, причем сам корабль представляется как смерть: «surman laiva, kuolon pursi, // kуuneleien kylvöemies» – «корабль смерти, кончины шлюпка, // причина слез»; место гибели людей названо «мертвым морем», а гибель людей – это уход в Туонелу⁸, в мир мертвых. Возникновение таких параллелей находит свое объяснение. Как известно, лодка в традиционной культуре прибалтийско-финских народов могла служить одним из средств транспортировки усопшего на кладбище, поскольку деревенские погости зачастую находились на островах. Кроме того, на карельских могилах можно было обнаружить перевернутую лодку. Таким образом, образ лодки (в данном случае корабля) мог приравниваться к образу смерти, что могло послужить появлению нового поэтического образа лодки-смерти.

Описываемая трагедия вызывала у людей различные эмоции и переживания. В некоторых карелоязычных вариантах прослеживается личное отношение певца ко всему происходящему и в тексте могут появляться такие моменты, которых, вероятно, на самом деле могло и не быть. К примеру, в одном из имеющихся вариантов кто-то из пассажиров еще надеется спасти себя, предлагая большие деньги команде:

Ne suuret summat antais
Surmansa etestä.
Ei autan silloin mahti,
Eikä maailman tavarat.
Sillä rahat on niin arvoronta
Kuoleman rinnalla.
HA 10/180

Они большие деньги бы отдали
Перед смертью.
Не помогли им деньги
И товары мира.
Деньги не стоят ничего
На пороге смерти.

В данном случае реальные события переплетаются с философскими рассуждениями о богатстве, о смерти, перед которой все равны.

Однако примечательно, что в российском художественно-литературном журнале «Искра» за 1912 год в заметке, рассказывающей о гибели «Титаника», читаем:

«На палубе гибнущего парохода разыгрывались потрясающие сцены. Пассажиры-миллионеры (их было 7, с общей суммой состояния 3 миллиарда) предлагали баснословные суммы за места в спасательных лодках. Из-за этих мест люди дрались, сталкивали друг друга в воду, веслами разбивали головы»⁹.

С абсолютной уверенностью можно говорить о том, что карельские исполнители не были знакомы с этим печатным изданием. Вероятно, в обоих случаях (как в варианте песни, так и в журнальной заметке) проявляются факты различной интерпретации авторского вымысла.

Мотив спасения – один из самых трагичных моментов песни. В сложившейся ситуации

команда пытается спасти пассажиров, сажая в шлюпки детей и женщин, но, поскольку лодок мало и приходится бороться за свое спасение, большая часть путешествующих затонула вместе с кораблем:

Pelaštušvenheet laivassa ei riitä,
Jokainen niitä tätyy omistaa,
Toisijan lyövät, kiistelevät siitä,
Ken elon jaa, ken pohjaan vajoaa.
Sandra Remšujeva

Не хватает шлюпок на всех,
Каждый хочет их занять.
Иногда они (пассажиры) дерутся,
иногда спорят,
Кто останется жить,
а кто уйдет на дно.

Обращает на себя внимание разнообразие финала повествования всех имеющихся в нашем распоряжении карелоязычных вариантов: в первом случае песня заканчивается утверждением, что «Титаник» затонул в Атлантике на глубине четырех километров, во втором акцент делается на то, что очень мало простых людей спаслось во время этого сильного крушения, однако удалось спастись боцману, который первый прыгнул в шлюпку. Вариант Сандры Ремшуевой, на наш взгляд, наиболее поэтичный и меньше всего отражает реальность:

Viimeksi vielä laivan šoittokunta
Ne šoittelevi šuruhyminjäään,
Että ihmiset ne näkisi kuin unta
Vaipueššanša meren šyvykšiin.
Sandra Remšujeva

Напоследок оркестр корабля
Исполнил печальный гимн.
Люди как будто бы погрузились в сон,
Когда корабль пошел на дно.

Наиболее стабильной является связь финноязычных вариантов песни о «Титанике», основная мысль которой заключается в том, что крушение корабля унесло жизни многих ни в чем не повинных людей:

Tuhatkuusisataa
Merent aallot surmasi
Ja paljon rahaa, tavaraa
Laivan mukana vajosi.
Asplund, s. 776.

Тысяча шестьсот человек
Накрыло морской волной.
Много денег и товара
С кораблем пропало.

Таким образом, в завершении повествования звучат слова скорби и печали по затонувшим в Атлантике людям.

Несмотря на то что события крушения «Титаника» были далеки для карельских исполнителей, произведение, повествующее о гибели тысячи людей, бытовало среди исполнителей Северной Карелии вплоть до конца XX века.

Финляндский вариант рассматриваемой песни прекратил свое бытование значительно раньше, в 1960-х годах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе настоящего исследования рассмотрен процесс зарождения финской лирической песни и возможные пути его проникновения на территорию Северной Карелии. Кроме того, проведено описание композиции и некоторых художественно-стилистических особенностей финноязычных лирических произведений на примере песни о «Титанике». Анализ имеющихся материалов позволил сделать вывод о том, что усвоение финской лирической песни происходило в конце XIX – первой трети XX века. Причем в некоторой степени среда бытования оказала свое влияние на текст в целом. В отличие от финноязычных записей, севернокарельская версия песни о «Титанике» не отличается большим количеством вариантов. Возможно, обусловлено это тем, что карелоязычные исполнители в силу своей малограмотности были менее осведомлены об этом трагическом событии. Сюжетная линия в целом устойчивая, однако в меньшем количестве зафиксированы всевозможные лирические отступления, философские размышления. Песни обеих традиций – яркий пример рифмованных текстов и более свободной стихотворной строки. Следует отметить наличие как в финноязычных, так и в карелоязычных текстах постоянных эпитетов, дающих яркую характеристику как самому событию в целом, так и основному объекту, лайнеру, и ключевым персонажам произведения. Использование единого круга образных определений, несомненно, является маркером влияния финской поэтики на карельскую.

Наиболее разработанным для песни о «Титанике» является образ смерти, истоки кото-

рого кроются в народном мировосприятии. Смерть – это уход в Туонелу, образ смерти связан с лодкой. Причем, как известно, первоначально подобные образы были характерны для карельской эпической и причетной традиций. С течением времени по мере продвижения карельского населения по территории современной Финляндии они проникли в эпическую традицию финнов Саво и Похьянмаа. Позже указанные образы появились в финском фольклоре, в частности в финноязычной версии песни о «Титанике», что является свидетельством влияния карельской культуры на финскую на уровне поэтики.

Наряду с общностью поэтических приемов и мотивов, в севернокарельских вариантах встречаются и свои особенности. К примеру, зачастую в текстах могут быть искажены малознакомые имена собственные, топонимы. Подобное явление отмечается и при исполнении карелами усвоенных ими на слух русских песен, когда при практически полном непонимании русского текста карелы-исполнители заменяют непонятные, сложные для воспроизведения русские слова звукоподражаниями. Кроме того, исполнительский талант носителей позволил выйти за рамки канонического повествования, в частности, песня, записанная от Сандры Ремшувой, значительно видоизменилась благодаря способности к импровизации. Помимо диалектных слов, придающих некий особый колорит, появляются новые мотивы. К примеру, гибель пассажиров описывается исполнительницей как погружение в сон под звуки оркестра. Полученные результаты исследования могут быть использованы в лекционной работе со студентами-филологами и музыковедами при рассмотрении песенной традиции Северной Карелии.

* Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (АААА-А18-118030190094-6).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кершнер Л. Н. Карельские народные песни. М.: Гос. муз. изд-во, 1962. 129 с.
- ² Кондратьева С. Н. Карельская народная песня. М.: Сов. композитор, 1977. 282 с.
- ³ Краснопольская Т. В. Песни Карельского края. Петрозаводск: Карелия, 1970. 262 с.
- ⁴ Asplund A. Balladeja ja arkkiiveissuja: suomalaisia kertomalauluja. Helsinki: SKS, 1994. 929 s.
- ⁵ Следует учесть, что собиратели-музыколоведы фиксировали в основном традиционные эпические, лиро-эпические и лирические песни. Остальной материал, к которому относится и песня о «Титанике», записывался лишь попутно при условии наличия магнитофонной пленки.
- ⁶ Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 10.
- ⁷ Текст получен из личного архива Р. П. Ремшувой, дочери Сандры Ремшувовой.
- ⁸ В карело-финской традиции – место пребывания умерших, мир мертвых.
- ⁹ Гибель «Титаника» // Искра. 1912. № 14. С. 107 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.odin-fakt.ru/iskry-sovremen_faust_14_1912/ (дата обращения 20.06.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евсеев В. Я. Карельский фольклор в историческом освещении. Л.: Наука, 1968. 201 с.
2. Клементьев Е. И. Лирические песни // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 298–299.
3. Краснопольская Т. В. Межэтнические взаимосвязи в певческом фольклоре: исследовательская практика и теория исследования // Музыкальный журнал Европейского Севера. 2016. № 2. С. 23–53.
4. Краснопольская Т. В. Певческая культура народов Карелии: Очерки и статьи. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 256 с.

5. Миронова В. П. Финские лирические песни в контексте музыкальной традиции беломорских карелов // Федосовские чтения: Материалы науч.-практ. краеведческой конф., посвящ. 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой. Петрозаводск. 27–28 апреля 2017 г. Петрозаводск: Verso, 2017. С. 166–171.
6. Asplund A. Runolauluista rekilauluun // Kansanmusiikki. Porvoo: WS Bookwell Oy, 2006. S. 108–165.
7. Laitinen H. Matkoja musiikkiin 1800-luvun Suomessa. Tampere: Tamperen yliopisto, 2003. 343 s.
8. Remsuleva R. Riimillinen kansanlaulu Vienan Karjalassa // Näkökulmia karjalaiseen perinteeseen. Helsinki: SKS, 1996. S. 39–70.
9. Huttu-Hiltunen P. Länsivenälainen runolaulu 1900-luvulla. Helsinki: Sibelius Akatemia; Kuhmo: Juminkeko, 2008. 439 s.
10. Niiranen E. Maria Feodorovan laulupolut. Vienankarjalaisen kansanlaulujan repertuaari musiikkisukupolven rakentajana. Tampere: Tampere University Press, 2013. 327 s.

Поступила в редакцию 24.12.2018

Valentina P. Mironova, PhD in Philology, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

SPECIFIC ARTISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF THE FINNISH-LANGUAGE LYRICAL SONGS IN KARELIA (a case study of a song of the Titanic)*

The issues of foreign-language folklore borrowing and adaptation have long been of interest for Russian researchers of traditional culture. The study object for this paper is Finnish-language lyrical songs circulating in Northern Karelia. The focus in the study is on the poetics of the works in this genre, with a song of the Titanic as an example. The aim is to trace how the Finnish lyrical song was being assimilated in Karelia in general, and to consider the mutual influence of the two song traditions: Finnish and Karelian. The conclusions drawn from this study can be used when preparing a course on the musical folklore of the Karelians. The materials for the study were the published and archival sources of Finnish lyrical songs that have circulated in Northern Karelian. Application of the comparative historical method has enabled an insight into the sources and evolution of the Finnish-language song tradition in Karelia. Textual analysis was employed to study the set of the variants of the song of the Titanic; key motifs and images, artistic representation means of the language of the text were identified and considered. Northern Karelia has had a long-standing and extensive tradition of epic songs, telling about the creation of the world and primal things, about the heroic deeds of mythical heroes, etc. The lyrical tradition has, however, developed at a slower pace, and was often borrowed from the neighboring Finnish population. In the process of assimilation of the foreign-language song tradition, the text would go through some adaptations. Here, one speaks more of artistic and stylistic rather than linguistic “adjustment”.

Key words: musical folklore of the Karelians, Finnish-language lyrical songs, song traditions of Northern Karelia, song of the Titanic

* The study was financed from the federal budget as part of a government project (project No AAAA-A18-118030190094-6). Cite this article as: Mironova V. P. Specific artistic and stylistic features of Finnish-language lyrical songs in Karelia (a case study of a song of the Titanic). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 5 (182). P. 18–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.346

REFERENCES

1. Evseev V. Ya. Karelian folklore in the historical coverage. Leningrad, 1968. 201 p. (In Russ.)
2. Klement'ev E. I. Lyrical songs. *Baltic-Finnish peoples of Russia*. Moscow, 2003. P. 298–299. (In Russ.)
3. Krasnopol'skaya T. V. Interethnic relations in the song folklore: research practice and research theory. *Muzikal'nyy zhurnal Evropeyskogo Severa*. 2016. No 2. P. 23–53. (In Russ.)
4. Krasnopol'skaya T. V. Singing culture of the peoples of Karelia: Essays and articles. Petrozavodsk, 2007. 256 p. (In Russ.)
5. Mironova V. P. Finnish lyrical songs in the context of the musical tradition of the Northern Karelians. *Fedosova Readings: Proceedings of the area studies research and practice conference in memory of the 190th birthday anniversary of Irina Fedosova*. Petrozavodsk, 2017. P. 166–171. (In Russ.)
6. Asplund A. Runolauluista rekilauluun. *Kansanmusiikki*. Porvoo, WS Bookwell Oy, 2006. S. 108–165.
7. Laitinen H. Matkoja musiikkiin 1800-luvun Suomessa. Tampere, Tamperen yliopisto, 2003. 343 s.
8. Remsuleva R. Riimillinen kansanlaulu Vienan Karjalassa. *Näkökulmia karjalaiseen perinteeseen*. Helsinki, SKS, 1996. S. 39–70.
9. Huttu-Hiltunen P. Länsivenälainen runolaulu 1900-luvulla. Helsinki, Sibelius Akatemia; Kuhmo, Juminkeko, 2008. 439 s.
10. Niiranen E. Maria Feodorovan laulupolut. Vienankarjalaisen kansanlaulujan repertuaari musiikkisukupolven rakentajana. Tampere, Tampere University Press, 2013. 327 s.

Received: 24 December 2018